

фантастическая
история

Книги Ивана Оченкова
в серии «Фантастическая История»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА ИОАННА МЕКЛЕНБУРГСКОГО
ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ МЕКЛЕНБУРГА
КОНЕЦ СМУТЫ
ПУШКИ ЦАРЯ ИОАННА
ГОСУДАРЕВО ДЕЛО

В соавторстве с Антоном Перуновым
АЗОВСКИЙ ГАМБИТ

МОСКВА, 2022

фантастическая
история

Иван Оченков,
Антон Перунов
Азовский
гамбит

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
О-95

Серия основана в 2010 году
Выпуск 155

Оченков И. В., Перунов А. Ю.

О-95 Азовский гамбит: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022. — 282 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-3479-4

Восьмой год правит Русью царь Иван — наш современник, угодивший в семнадцатый век и умудрившийся стать великим государем. Жизнь идет своим чередом. Но не все так просто. Только выяснили, кто тут главный, и замирились с поляками, вернули свои земли до самого Днепра, и настало время идти дальше! Осваивать жирные черноземы Дикого поля, а заодно надежно закрыть Русь от набегов людоловов, угоняющих православных в рабство. Создавать армию, поднимать промышленность, развивать торговлю. Но снова свила под тронем свое гнездо измена боярская. Настал час выкорчевать ее твердой рукой.

В Европе всюду полыхают пожары религиозных войн. Кипит и на границе Речи Посполитой и Османской Порты. Только что отгремела разгромная для ляхов Цецорская битва, и снова турецкий султан готовит войска, желая разом и захваченный донскими казаками Азов вернуть, и Подолию окончательно завоевать. Пришло время и царю Ивану разыграть свой дебют на главной доске политических шахмат Европы. И тут нужны не только кони и пешки, но и ладьи. Флоту русскому быть! Гамбит царя Иоганна начинается!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Оченков И. В., Перунов А. Ю., 2022
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022

ISBN 978-5-9922-3479-4

Звонарь Никодим был уже немолод и забирался на колокольню с трудом. Давно следовало приискать ему замену, да все как-то недосуг было. Да и куда его тогда девать, старого? А тут такое дело, царица Катерина вот-вот должна от бремени разрешиться, и как, значит, родит, надо ударить в колокол. И чтобы не позже, чем иные и прочие! Первой, конечно дело, зазвонит колокольня Ивана Великого, потому как она не где-то у черта на куличках, а в самом Кремле. Понимать надо! А уж потом к ней присоединятся звонницы всех прочих соборов и церковей златоглавой Москвы.

— И будет благолепно! — наставительно добавил отец Геронтий.

— Все исполню, батюшка, не сомневайтесь, — почтительно поклонился звонарь.

— Смотри мне! — внушительно прогудел священник, после чего добавил со значением: — Чтобы не как в прошлый раз!

Тогда и впрямь вышло неладно, но Никодим, ей-ей, не виноват! Пришел к нему кум Семен, чтоб ему ни дна ни покрышки, окаянному! И ведь всегда этот стрелец таков, где бы ни появился, обязательно народ до греха доведет. Вот и тогда приперся, аспид, с цельной баклагой браги и давай жаловаться, как его по службе обошли и без награды оставили. А ведь он во время бунта самого наибольшего вора Телятевского порешил и царский венец в казну вернул! И вот как было хорошего человека в его горе не поддержать?

Хотя, конечно, про то, что его совсем уж обошли, Семен брешет! Сказывают, Иван Федорович тогда с себя кафтан снял и ему на плечи надел, а помимо того и серебра отсыпали полной мерой, и иных наград не пожалели, да только Семке

впрок ничего не пошло. Лавка сторела, самого из Стремянного полка погнали, а все через его поганый язык! Ну да бог с ним, пустобрехом!

Вот поэтому он и пыхтел сейчас, забираясь на колокольню. Глядишь, благовест начнется, он уже тут как тут. Так потихоньку, карабаясь с одной ступеньки на другую, старый звонарь добрался до верха своей колоколенки и только собрался передохнуть, как на Иване Великом начался перезвон.

— Слава тебе господи, успел! — перекрестился Никодим и схватился за прицепленную к билу веревку.

А над Москвой уже плыл малиновый перезвон. Заслышав его, многочисленные прохожие оборачивались к церквям и, сняв шапки, крестились, благодаря Господа за ниспосланную им милость. Все же, как ни крути, а это первый ребенок у государя, рожденный на Руси. Царевич Дмитрий с царевной Евгенией в неметчине на свет божий появились да крещены были по лютеранскому обряду. Уже здесь святейший патриарх Филарет ввел их в лоно православной матери-церкви, а то ведь стыдно сказать, царевича прежде, прости господи, Карлой¹ звали!

Когда зазвонили колокола, я, как и полагается верному мужу и отцу семейства, ждал в своих покоях, чем все кончится. Я — всяя Великия Малыя и Белья Руси Самодержец Иван Федорович. Или великий герцог Мекленбурга Иоганн Альбрехт Третий из рода Никлотингов. Тут уж кому как нравится. Ну а в прошлой, теперь уже такой далекой жизни Иван Никитин, глупо погибший от ножа грабителя и очнувшийся в теле юного принца.

Сколько приключений мне довелось пережить, сколько опасностей выпало на мою долю, в каких сражениях пришлось побывать, чтобы из простого принца, каких в Германии как блох на собаке, стать царем огромной страны, вы себе и представить не можете. Да вам и не надо. Главное, что я здесь и сейчас. На дворе глубокая осень 1620 года, или, как считают у нас, первая половина 7129 от Сотворения мира².

Смута давно кончилась, причем с совсем иными результатами, нежели в моем прошлом-будущем. Смоленск мы у поля-

¹ То есть карликом. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Новый год по русскому календарю начинался с 1 сентября.

ков отобрали. Выход к Балтийскому морю шведам не отдали. Да и вообще, шведский король Густав Адольф мой лучший друг, не говоря уж о том, что я женат на его сестре. Это она сейчас рождает в покоях построенного мною для нее Теремного дворца. Причем довольно давно. Подробности мне не сообщают, но нетрудно догадаться, что роды выдались тяжелыми. Но, к счастью, все уже закончилось. Вон даже из сеней слышен топот сапог посланника, потом какой-то грохот...

— Надежа-государь! — открыл непутевой головой дверь споткнувшийся о порог торопыга.

— Ну?!

— Не вели казнить!

— Не буду.

— Вели слово молвить!

— Да говори уже!

— Пресветлая государыня царица Катерина Михайловна милостью Божьей от бремени благополучно разрешилась!

— Слава тебе господи! — истово перекрестился я, после чего снова посмотрел на посланца.

Тот уже успел приподняться и не лежит, протирая брюхом дорогой паркет, а стоит на коленях, улыбаясь во весь рот. Оно и понятно, принесшему радостную весть полагается награда, а уж за такое...

— Кто родился? — задал я самый главный вопрос.

— Э-э-э... — растерялся слуга.

Этого ему, судя по всему, не сказали, а сам поинтересоваться он не сообразил, и теперь улыбку на его курносом румянном лице медленно сменила растерянная гримаса.

— Так кто, мальчик или девочка?

— Не вели казнить!

— Снова-здорово, — махнул я рукой и потянулся к поясу.

Там у меня богато украшенная золотым шитьем калита — поясной кошель, в свое время давший прозвище первому великому князю Московскому. Вещь на самом деле довольно удобная и в некоторых случаях незаменимая. Вот как теперь.

— Держи, торопливый ты мой, — с усмешкой протянул принесшему благую весть юному придворному серебряную монету.

— Благодарствую, царь-батюшка! — облегченно вздохнул тот и попытался поцеловать мне руку.

Честно говоря, ужасно не люблю этого, как, впрочем, и земных поклонов, старинных, пошедших еще от Византии обычаев, и этикета, и прочих радостей монаршей жизни. Но положение обязывает, и приходится терпеть.

— Добрый ты, государь, — неодобрительно проворчал ближний боярин Иван Никитич Романов, составлявший мне компанию. — За что эдакого недотепу к руке допускать? Вот пару плетей за нерадивую службу в самый раз!

— Ладно тебе, — отмахнулся я, после чего снова обернулся к посланцу. — Что-то я тебя, брат, не припомню, ты чьих будешь?

— Из Горчаковых я! — с готовностью ответил тот, преданно поедая меня глазами. — Василием крестили.

— Так вот за кого патриарх просил...

— Готов служить тебе верой и правдой! — немного патетически воскликнул юноша, которого так и хочется назвать падаваном.

В принципе расклад понятен. Иван Никитич со своим родным братом Филаретом, мягко говоря, не ладит, а Горчаковы как раз активные сторонники патриарха. И глава Земского приказа, в отличие от меня многогрешного, чужака сразу почуял и теперь спуска не даст. Оно и хорошо, пусть между собой собачатся, меньше времени будет против меня злоумышлять!

Перед покоями царицы небольшое столпотворение. Входить внутрь персонам мужеского пола, за исключением особ духовного звания и докторов, не положено. Впрочем, сейчас и схимникам нельзя. Вон толпятся в углу с постным видом и по сторонам зыркают. Не иначе патриарха ждут.

Прочие придворные чины, спальни, стольники, напротив, лыбятся как пришибленные. Потому как любое событие в царской семье, не говоря уж о рождении ребенка вне зависимости от пола, все одно повод для наград всем тем, кто вообще никаким боком не причастен. Стоят и перебирают — что им от щедрот государевых перепадет? Кому кубок серебряный, кому чару золотую, кому шубу соболью... На войну дармоедов отправить, что ли? Пусть послужат родине, сукины дети!

Хотя, слава тебе господи, никакой войны пока что нет. С поляками «Вечный мир», да им сейчас и не до нас. С турка-

ми ратятся из-за Молдавского княжества. Те, в свою очередь, с ними по той же самой причине. И даже крымские татары после того, как казаки не без моей помощи захватили Азов, попритихли и старательно делают вид, что никакого дела до моих владений им нет и даже дороги туда не знают.

Кстати, о делах на Дунае. Никакой Румынии пока что нет и не предвидится, а на месте ее два вассальных от Блистательной Порты княжества. Валашское и Молдавское. Есть еще Трансильвания, тоже зависимая от турок, но большинство ее жителей даже не подозревают, что их потомки станут румынами, а искренне считают себя венграми.

Правят в этих княжествах те, кого назначат из Стамбула. Обычно это греки-фанариоты, заплатившие в казну султана приличествующую случаю сумму, но бывают и выходцы из местных боярских родов, как, например, княживший не так давно Стефан Томша. Я о нем, кстати, еще в прошлой жизни читал. Книжка, кажется, называлась «Племя Шоймару»¹. Но не суть.

Этого самого Томшу с престола в Яссах² согнал польский магнат Потоцкий, усадив на него своего ставленника Александра Мовиле, или, как его называют у нас, Могилу. В Стамбуле подобную креативность, разумеется, не оценили и восстановили статус-кво. Правда, ненадолго, потому что Потоцкие тоже не успокоились, пока не втравили Речь Посполитую в на фиг никому не нужную войну. И как мне кажется, скоро кое-кто огребет. В моей истории, если я ничего не путаю, война продолжалась с переменным успехом и закончилась технической ничьей, но как будет здесь, даже не представляю. Ибо кое-кто успел растоптать всех бабочек на лугу...

Увидев меня, все присутствующие дружно бухнулись на колени, но я, не задерживаясь, прошел в покои Катарины. Та лежала бледная на большой кровати под балдахинном. Рядом с мрачным видом суетился придворный лекарь О'Конор, а чуть поодаль няньки возились с ребенком. Моим ребенком.

— Как ты, Като? — тихо спросил я.

— Она вас не слышит, ваше величество, — поспешил пояснить врач.

¹ Роман румынского писателя Михаила Садовяну.

² Я с с ы — столица Молдавского княжества.

- Спит?
- Скорее в забытыи.
- Это плохо?
- Все в руках божьих, — дипломатично отозвался тот.

По происхождению мой лейб-медик наполовину ирландец, наполовину француз и являет собой редкостное сочетание достоинств и недостатков обоих народов. Но мне он абсолютно предан, а также достаточно образован, да к тому же еще неглуп. Во всяком случае, когда я объяснял ему необходимость гигиены и антисептиков, не спорил, а четко выполнял все, что от него требуется. Обычно нынешние врачи в таких случаях встают в позу и начинают цитировать на латыни древних целителей, которые-де ничего подобного не завещали...

- Пьер, я хочу, чтобы ты сделал все возможное!
- Вы могли бы и не говорить этого, государь. Но я не всемогущ.

— А ребенок здоров?

— О, ваше величество, с вашей дочерью все в порядке. Клянусь святым Патриком, мне не приходилось видеть прежде такого прелестного младенца.

— Так это дочь?

— Как, разве вам не сказали?

— Ну не то чтобы совсем не сказали, — усмехнулся я, осторожно принимая на руки теплый сверток. — Просто на радостях эту деталь забыли уточнить...

В этот момент дочь открыла глазки и удивленно уставилась на меня, как будто хотела спросить: «А ты вообще кто?» В сочетании со сморщенным красным личиком это выглядело очень забавно, и я не смог удержаться от улыбки.

— Красавицей будет, — убежденно сказала нянька певучим голосом.

— Дай-то бог, — недоверчиво отозвался я, после чего вернул младенца ей и размашисто осенил обоих крестным знаменем.

— Кажется, государыня пришла в себя, — прошептал мне на ухо О'Конор.

— Като, милая, как ты? — тихо спросил я, подходя к жене.

Сразу видно, что роды дались ей тяжело. Бледный, покрытый испариной лоб, посеревшие губы и тяжелый взгляд. «По-

ставить бы ей капельницу с чем-нибудь укрепляющим», — мелькает в моей «премудрой» голове мысль.

— Кто родился, принц или принцесса? — нетвердым голосом спросила царица по-немецки.

— У нас с тобой родилась прекрасная дочь, — поспешил успокоить ее я.

— Жаль, — после недолгого молчания выдавила из себя она, — я надеялась подарить нашему дому еще одного наследника.

В этом вся Катарина. Ей плохо, она чуть не отдала богу душу во время родов, но все помыслы суровой шведской принцессы только о долге перед мужем и страной. В какой-то мере она, конечно, права. У нас с ней только один сын, и, если с ним что-нибудь случится, наследовать престол будет некому. Причем не только в Москве, но и в Мекленбурге. Но боже мой, неужели сейчас время?..

— Иоганн, я хотела бы попросить вас...

— Все, что угодно!

— Обещайте мне, что наши дочери не станут монахинями, — еле шепчет она.

— Не беспокойся об этом. Придет время, и мы вместе выберем нашим девочкам достойных женихов.

— И еще, — продолжила она, не обращая внимания на мои слова. — Когда меня не станет, вы должны будете жениться вновь. Обещайте, что ваша избранница не будет принадлежать к королевскому роду.

— Кать, что ты несешь? — изумился я ходу ее мыслей.

— Можете даже жениться на вашей Алене, если она так уж мила вашему сердцу. Единственное, о чем я прошу, чтобы никто не мог равняться по происхождению с нашим сыном Карлом Густавом. У него не должно быть соперников...

— Святые угодники! Боюсь даже подумать, откуда у тебя могли взяться такие идеи... Катя? Эй, док, кажется, она опять впала в забытье!

Услышав меня, доктор снова кинулся к своей пациентке и постарался ее растормошить, затем дал понюхать какой-то противной соли из склянки, после чего наконец схватил руку в тщетной надежде нащупать пульс. Не преуспев и в этом, Пьер поднес к ее губам маленькое зеркальце.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил я.

— Простите, ваше величество, — скорбно отозвался врач, — но государыня покинула нас.

— Что?!

Что было дальше, я помню не слишком хорошо. Передо мной проносились какие-то смутные образы, а я сидел на скамье и думал: за что мне это все? К несчастью, это далеко не первая потеря для меня. Если собрать всех близких мне друзей и соратников, которых я успел схоронить за эти несколько лет, вышел бы немалый погост...

— Выйди, государь, — попросила какая-то боярыня. — Надо матушку Катерину обмыть и одеть прилично. Не годится, чтобы ты на это смотрел.

Снаружи внезапно оказалось почти пусто. Бояре и придворные рассосались по закутам, чтобы не попасть под горячую руку, и только монахи в углу молились о душе скончавшейся царицы.

Нельзя сказать, чтобы Катарина была слишком уж популярна в народе. Напротив, многие в ней видели прежде всего чужеземку и иноверку, с большим трудом согласившуюся принять православие, а также одевавшуюся в непривычные для русских людей наряды. Пока она была жива, на нее смотрели неодобрительно, иной раз из толпы доносились нелестные выкрики, но шведская принцесса умела держать себя с таким достоинством, что все видевшие ее невольно проникались почтением.

— Сочувствую твоему горю, государь, — прогудел басом входящий Филарет.

— Благодарю, владыко, — отозвался я, обводя глазами многочисленную свиту русского патриарха.

Помимо священников и монахов у главы Русской церкви есть приказ, ведающий всеми хозяйственными делами, свои дьяки, стольники и даже стрелецкий полк. Одеты в черные кафтаны и скуфьи вместо шапок, но видно, что миряне. Эдакие гвардейцы кардинала на Среднерусской возвышенности! Правда, ссор у них с моими «мушкетерами» не случается, во всяком случае пока.

— Вижу, смутно у тебя на душе, сын мой.

— Я справлюсь.

— С Божьей помощью, постом и молитвой отчего же не справиться, — кивнул Филарет.

— Я к детям пойду. А ты уж проследи, чтобы все как надо сделали...

— Как пожелаешь, государь. Только вот...

— Что?

— Потолковать бы надо. Новости есть из Туретчины.

— Срочные?

— Неотложные.

— Хорошо, — кивнул я, сделав патриарху знак идти за мной.

— Говори! — велел я, как только мы остались одни.

— Султан Осман II с большим войском занял Дунайские княжества. Не сегодня, так завтра они сразятся с ляхами.

— Это не новость.

— А ведомо ли тебе, государь, что будут делать, когда побьют Гонсевского?

— Ну, если верх будет за Османом, то он, скорее всего, ударит по Польше. Места там богатые, добычи много.

— У турок войск втрое больше, так что побьют, а вот на Речь Посполитую турки не пойдут.

— И куда же они, по-твоему, направятся?

— На Азов.

— Это еще почему?

— Да потому, что нельзя султану казачью дерзость спускать. Константин Потоцкий всего лишь хотел своего князька на престол в Яссах посадить. Но он глава богатого и знатного рода. Ему не впервой в большую политику рыло совать, и то турки взбеленились. А тут казаки, тати, шиши придорожные целый город у султана отняли. На своих стругах уже весь Крым и всю Туретчину обшарпали¹.

— Вести верные?

— Скоро доподлинно узнаем, государь.

— Н-да, изменил историю, нечего сказать!

— Что?

— Не обращай внимания, владыко. Это я о своем...

Не прошло и недели, как сведения, принесенные Филаретом, полностью подтвердились. Примчавшийся в Москву гонец привез грамоту. В сражении под Цецорой войска Речи

¹ Ш а р п а т ь — грабить (*устар.*).

Посполитой были полностью разгромлены. Большая часть воинов во главе с гетманом Жолкевским погибли, другие попали в плен, и лишь немногим удалось спастись.

Казалось бы, перед османской армией открылась дорога в богатые земли Подолии и Малой Польши. Защищающие их крепости и замки вряд ли смогут устоять перед натиском отборных янычар и могущественной турецкой артиллерии, а татарские орды вот-вот хлынут мутным потоком на многострадальную землю, но султан Осман приказал с поляками замирииться, а своему победоносному воинству готовиться к походу на Азов. И теперь нам всем что-то нужно с этим делать.

— Ничто, даст бог, отобьются казачки, — беспечно отмахнулся стольник Анисим Пушкарев. — А коли и не сдюжат, так урон невелик!

— Не скажи, — покачал головой Иван Никитич Романов. — Если турки обратно Азов возьмут, мы тоже не возрадуемся. Опять татары начнут на наши рубежи набегами ходить. Все как есть разорят, нехристи!

Совещание проходит, что называется, в тесном кругу. Присутствуют только мои ближники, словом и делом доказавшие свою преданность и полезность Мекленбургскому дому. Романов, как я говорил, старший судья в Земском приказе. Можно сказать, министр внутренних дел. Выслужившийся из простых стрельцов Пушкарев — командир Стрельянного полка. Барон Кароль фон Гершов начальствует над всеми немецкими наемниками. Клим Рюмин — дьяк Посольского приказа¹. И последний по списку, но не по значению, мой бессменный телохранитель Корнилий Михальский.

— А что, султан Осман сам войско поведет или пошлет какого-нибудь пашу? — как бы невзначай поинтересовался бывший лисовчик.

— Да кто его знает, басурманина, — пожал плечами Рюмин. — С одной стороны, невместно ему против такого врага, как казаки, рать вести, а с другой...

— Ну-ну? — заинтересовался я.

— Некрепко он на престоле сидит, чтобы армию без пригляда оставлять.

¹ Судьей в Посольском приказе был сам царь.

— И значит?..

— И значит, он либо сам пойдет с войском, либо встанет где-то неподалеку, скажем, в самом Крыму.

— И что нам это даст? — повернулся я к Корнилию.

— Ну мало ли, — скромно усмехнулся Михальский, помимо всего прочего заслуженно слывающий специалистом по тайным операциям. — Все под Богом ходим!

— А хорошо ли Азов укреплен? — подал голос боярин Романов.

— Достаточно хорошо, — немного гортанно из-за акцента ответил ему фон Гершов. — Стены замка отремонтированы и укреплены, а вокруг них возведены земляные бастионы с пушками. С наскока такую крепость не взять!

— И много ли пушек?

— Только крупных привезено из Москвы больше восьмидесяти, да еще около двухсот своих было.

— И откуда только у казаков такие богатства? — с простодушным видом покачал головой Пушкарев. — Чай, немалых денег стоит.

— Известно откуда, — скромно усмехнулся я. — Бог послал!

На лицах присутствующих появились понимающие усмешки. Разумеется, весь этот банкет был за счет русской казны. Сами донцы после своих набегов на Крым и Туретчину в лучшем случае пожертвовали малую толику в монастыри, да и то лишь что не успели прогулять. На остальное у них просто не осталось. Так что пушки, порох и прочую амуницию им прислали из Москвы.

Зачем же этот аттракцион невиданной щедрости, спросите вы? Особенно с учетом того, что назвать казаков надежными союзниками у меня язык не повернется. И когда у атаманов-молодцев появляется возможность пограбить земли моего царства, они предаются этому благородному занятию с ничуть не меньшим азартом, чем любые другие.

Враг моего врага — мой друг, отвечу я вам. Донцы для крымчаков и османов лютые враги и никакого примирения между ними быть не может! И пока по Дону и его притокам стоят казачьи городки, мягкое подбрюшье Руси под защитой. Не очень надежной, но уж какая есть.

— Так что решим? — вопросительно посмотрел я на ближников.

— Не след теперь с турком воевать, — не отводя в сторону взгляда, твердо ответил Рюмин. — Если мы ратиться начнем, это на руку только ляхам да цесарцам будет!

— Верно дьяк говорит! — поддержал Клима Иван Никитич. — Не в том состоянии царство наше, чтобы османам вызов бросать. Нет у нас ни народишка, ни денег лишних. Помогли казакам, чем смогли, и будет с них!

— Понятно, — кивнул я. — Еще какие мнения есть?

— Да какие у нас мнения, — со смешком отвечал Анисим, — как ты, великий государь, повелишь, так и будет. Только...

— Что только?

— Да как тебе сказать, надежа. Помимо нас — верных твоих слуг, есть еще много на Руси иных и прочих. Гулятьев, бобылей, просто праздношатающихся. Некоторых их них еще можно к делу приставить, а другие ничем не лучше татей придорожных. Мыслю я, что не худо бы их в Азов отправить, к казачкам на подмогу. И тем какой-никакой сикурс¹, — блеснул стольник иноземным словом, — и нам тут спокойнее!

— Чтобы отправить, их вооружить да снарядить надо, — возразил Романов, — а это такая сарынь... как бы они с этой сброей на нас не повернулись!

— Если ваше величество пообещает прощение всем разбойникам, кто отправится защищать христианскую веру, — задумчиво заметил Михальский, — желающие найдутся.

— А ежели нет?

— А вот для таких непонятливых, — усмехнулся я, — есть Земский приказ!

— Как прикажешь, государь, — не стал спорить глава этого самого приказа.

— Ну а ты что скажешь, господин барон? — обернулся я к фон Гершову.

— Если вашему величеству будет угодно узнать мое мнение, — витиевато начал генерал, — то я, со своей стороны, полагаю, что будет недостаточно послать к казакам пушки и порох, а также рядовых волонтеров. Нужен надежный человек,

¹ От *фр. secours* — помощь, поддержка.

хорошо знающий военное дело и при этом достаточно авторитетный. Тогда оборона может иметь успех. Кроме того, нужно иметь наготове войско, чтобы отразить возможное нападение подданных султана.

— Где же такого воеводу взять? — развел руками Иван Никитич. — Донцам наши бояре не указ!

— Это верно.

— А может, Федьку Панина? — как бы невзначай заметил Анисим. — В Азове он бывал, с атаманами дружен...

— Это хороший офицер! — кивнул фон Гершов.

— Справится! — подтвердил Михальский, у которого Федор в свое время начинал службу.

— Главное, чтобы какую-нибудь черкесскую девку опять домой не приволок, — продолжил Пушкарев невинным тоном. — А то ему жена точно чего-нибудь отрежет!

После этих слов от смешка не смог удержаться даже обычно невозмутимый Михальский. Год назад Панин вместе с небольшим отрядом был послан на помощь к осаждавшим Азов казакам. Именно им удалось подорвать ворота вражеской цитадели, после чего донцы ворвались внутрь и устроили резню. Добычей казаков тогда стало все имущество местных жителей, включая гарем местного паши. Все это, как водится, раздували¹ между участниками штурма, причем одна из наложниц стала добычей Федора, а тот, в свою очередь, не придумал ничего лучше, как привезти юную черкешенку в Москву. Скандал был дикий...

— На том и порешим, — кивнул я, скрывая улыбку. — Воевать не станем, но армию будем держать в готовности, чтобы у крымцев дурных мыслей не возникало. Ты прикинь, Иван Никитич, как об этом завтра в думе говорить станешь.

— Хорошо бы еще к ляхам верного человечка послать.

— Это зачем же?

— Может, получится возмутить тамошних магнатов против султана? Глядишь, нам полегче будет!

— Это вряд ли, — покачал я головой. — Дураков с гонором там хватает, однако же не все таковы. Полагаю, король Сигизмунд рад без меры, что воевать с турками не придется. Опять же ему на руку, что султан на нас пошел...

¹ Дуван — добыча. Дуванить — делить добычу (*устар. каз.*).

— Не на нас, а на казаков, — с хитрой улыбкой заметил боярин. — Тех самых, что сначала Самозванцу служили, а потом Владиславу.

— Ну не знаю. Попробовать, конечно, стоит, но вряд ли что выгорит. Хотя, может, запорожцев удастся на крымцев натравить? Подумайте, кого можно с поминками к старшине подослать?

— Как прикажешь, государь.

— Ну, тогда не задерживаю. Хотя... Корнилий, останься, есть небольшое дельце.

Все присутствующие тут же встали и, чинно поклонившись, отправились на выход, оставив меня с телохранителем наедине. И только Романов зачем-то замешкался.

— Что-то еще? — вопросительно посмотрел я на боярина, ничего не делавшего просто так.

— Да, государь, — утвердительно кивнул тот.

— Тогда говори, у меня от Михальского секретов нет.

— Как прикажешь, тем более что это касается и его.

— Вот как?

— Прости, Иван Федорович, но утаить от тебя сие не могу. Сам ведаешь, черный люд наш темен и к суевериям склонен, а потому любую дурость повторять готов.

— Что-то ты, Иван Никитич, издалека начал. Говори как есть!

— Толкуют в народе, — собравшись с духом, продолжил Романов, — что матушка Катерина не просто так померла.

— В смысле? — озадачился я. — Бояре, что ли, отравили?

— Кабы б, — скорбно вздохнул глава Земского приказа. — Сказывают, что Господь тебя наказал за то, что ты, сказавшись, что едешь на богомолье, сам в Неметчину отправился на княжеский съезд.

— Что за на хрен!

— Ходят такие слухи, — мрачно подтвердил Михальский.

— И ты молчал?!

— Не успел...

— Всегда вы так.

— Не кори своих верных слуг, государь, — заступился боярин. — Не все до наших ушей доходит сразу.

— Ладно, на каждый роток не накинешь платок. Однако самым крикливым языки все же укоротить! И хорошо бы найти тех, кто эти сплетни распространяет...

— А то ты не знаешь кто? — криво усмехнулся Романов.

— Ты на что это намекаешь?

— Иван Никитич прав, — буркнул Корнилий. — В окружении патриарха немало злонамеренных людей.

— Ладно, разберемся, — скрипнул я зубами.

— И вот еще что... — Боярин помялся. — Не посылай куда за Вельяминовым. Пусть хоть год пройдет с кончины государыни.

Что в прошлом однозначно плохо, так это отсутствие привычных развлечений. Нет не то что телевидения или интернета, но даже газет. Нет, «Московские Куранты» у нас, конечно, выходят. Примерно раз в месяц. К тому же я заранее знаю, что там написано, по той простой причине, что лично утверждаю все, что там появится. Иноземную прессу тоже доставляют, но еще реже.

Театра не то чтобы совсем нет. В Кремле регулярно ставят различные мистерии¹, рассказывающие о житии и смерти святых великомучеников. Очень интересно, особенно когда ничего другого не наблюдается!

Можно еще устроить пир и пригласить скоморохов, которые будут скакать и прыгать, отпуская при этом матерные шутки, от которых даже рейтары краснеют. Правда, потом духовник с патриархом мне по очереди на мозги капают, мол, грех это, но куда деваться?

В общем, единственным доступным развлечением, не подпадающим под санкции церкви и при этом не совсем скучным, являются настольные игры. В особенности шахматы. В прошлой жизни я играл, но, что называется, без фана-тизма, а тут отчего-то пристрастился.

На Руси, кстати, двигать фигуры по клетчатой доске любят издавна. Говорят, еще Иван IV, прозванный за жестокость Васильевичем, очень уважал эту игру. Вероятно, с той самой поры выигрывать у царя считается не то чтобы неприличным, а немножечко опасным. В общем, когда я пятерым боярам

¹ Мистерия — средневековая пьеса с религиозным сюжетом.

подряд поставил детский мат, стало понятно, что нужен партнер.

Неожиданно им стал мой бывший секретарь, а ныне преподаватель в царской школе при Славяно-греко-латинской академии Первушка Анциферов. Первая наша игра произошла довольно случайно, а теперь дьяк по вечерам с шахматной доской и мешком с фигурами приходит в Кремль. Служба у него такая! Игрок он, по всей видимости, не очень хороший, раз даже я справляюсь, но по местным меркам безбашенный. Выигрывать у царя, пусть даже и не все партии подряд, кроме него никто покуда не решался. Ну что ты будешь делать, никогда не было, и вот опять!

— Мат тебе, государь! — победно улыбнулся Первак.

— Кстати, как мои оболтусы? — поинтересовался я, положив короля на бок.

Оболтусы — это царевич Дмитрий и участник всех его детских проказ Петер. Обычно они стараются смыться из-под зоркого глаза приглядывающих за ними дядек и нянек, чтобы что-нибудь натворить. Но теперь холодно, и молодые люди чинно сидят рядом с нами на лавке, с азартом наблюдая за нашим поединком.

— Усердно постигают науки, — постным голосом докладывает их наставник в русской грамоте и письме, снова расставляя фигуры.

— Неужто совсем не озоруют?

— Бывает, — дипломатично отвечает Анциферов.

— А подробнее? — прищурился я, заметив, как напрягся Петька.

— Да так сразу и не упомнишь, — задумывается дьяк. — Разве что кто-то из них на поварне кошку поймал да привязал ей к хвосту ложку деревянную. Она, значит, бежит, а ложка тарахтит. Животина, понятное дело, пугается и шибче... так урок и сорвали!

— Это не мы, мой кайзер! — делает честные глаза Петер.

— Мы не знаем, кто это, — менее уверенным голосом добавляет царевич.

— И когда это случилось?

— Так сегодня.

— И ты сразу вспомнить не мог, — хмыкнул я, переставляя фигуру. — А почему знаешь, что они?

— Так ведь не признался никто и доносить не стал, — пожал плечами Первак.

— И что с того?

— Если бы кто другой, — принялся объяснять дьяк, — обязательно нашелся б наушник¹. А на царевича клепать дураков нету!

— Логично, — хмыкнул я, оборачиваясь к пацанам. — Что скажете, лиходеи?

— Это не мы, — стоял на своем Петька.

— Уверен?

— Вот вам крест, мой кайзер!

Сочетание посконно православного «креста» с немецким титулованием в устах ушлого мальчугана звучало забавно. Мой отпрыск хотя и выглядел не столь нахально, но сдаваться и каяться тоже не собирался.

— Зачем вы это сделали? — печально спросил я у Дмитрия.

— Простите, отец, — неожиданно всхлипнул тот.

— Что случилось, мой мальчик?

Принц какое-то время крепился, но надолго его не хватило, и его маленькие плечи затряслись от рыданий. Петька обхватил своего высокородного приятеля руками, как будто хотел заслонить собой от чего-то ужасного, после чего, обернувшись ко мне, почти выкрикнул:

— Его королевское высочество очень устал и не мог больше учиться. Не наказывайте его, пожалуйста! Это я один во всем виноват...

— Ты скучаешь по маме? — печально спросил я сына, положив руку ему на голову.

Тот не смог ничего сказать в ответ и только судорожно кивнул. Вся его фигура выражала такое неподдельное горе, что мне стало непереносимо стыдно, что я так легко смирился с потерей, что не находил времени побыть с семьей, пока Катарина была жива. Что моими детьми занимаются чужие люди, а сам я вечно погружен в какие-то заботы и не вижу, как они страдают. Черт бы подрал твое каменное сердце, Иван Мекленбургский!

— Мне тоже ее не хватает, малыш. Знаешь, если тебе так трудно, можешь не ходить пока в школу.

¹ Наушник — тот, кто наушничает, доносчик.

— Нет, — всхлипнул он, вытирая нос рукавом. — Матушке бы это не понравилось.

— Вот это мужской разговор! Ладно, уже поздно. Отправляйтесь спать.

— Благословите, отец! — наклонил голову Дмитрий.

— Благословите, ваше величество! — привычной скороговоркой поддержал его Петер и встал рядом.

Дождавшись, когда я перекрещу их, мальчики по очереди приложились к руке и вышли. Дочери, Марфа и Евгения, по малолетству уже давно спали, но я еще все равно зайду к ним, чтобы поцеловать на ночь. А пока...

— Давай, что ли, еще одну? — посмотрел я на явно находящегося не в своей тарелке дьяка.

— Горе-то какое, — сочувственно вздохнул Анциферов. — Может, в другой раз?

— Нет, — помотал я головой. — надо же мне отыграться.

— Как повелишь, — покорно вздохнул Первак.

Первые несколько ходов мы сделали в молчании, но после третьего дьяк не выдержал и деликатно кашлянул.

— Что еще? — спросил я, зная его манеру.

— Отвлекся ты, государь, и сходил неладно. Может, переиграешь?

Мельком посмотрев на доску, я понял, что он имеет в виду. Его ферзь угрожал моему слону, после чего ожидалось неминуемое ухудшение позиции. Со стороны было похоже, что и впрямь зевнул...

— Нет, брат, — отмахнулся я. — Не стану...

— Тогда не взыщи, — взялся за фигуру дьяк.

Затем последовали еще два хода, и, когда наставник царевича мысленно уже праздновал победу, я нанес давно планируемый удар.

— Шах и мат, — передвинул я ферзя.

— Как это? — разинул рот Анциферов.

— Сколь раз тебе говорил, — пожал плечами я в ответ. — Считай ходы! А называется это гамбит. Ладно, хватит на сегодня. Завтра и послезавтра мне не до игры будет, а на третий день приходи опять. И это, приглядывай за моими...

— Все исполню, царь-батюшка! — принялся собирать шахматы дьяк, одновременно кланяясь и напряженно размышляя, как же он так опростоволосился.

Я давно понял, что, наметив верную комбинацию, Первушка забывает обо всем и перестает следить за доской, и в очередной раз обыграл его. Только сегодня это не доставило мне удовольствия.

Придумавшие шахматы древние индийцы говорили, что эта игра помогает тренировать разум полководца. Что ж, посмотрим, какой игрок молодой и, по слухам, мечтающий о славе самого Сулеймана Великолепного султан Осман.

Много воды унесла Двина в воды студеного моря с той поры, как у Михайло-Архангельского монастыря впервые появились иноземные купцы. Сначала просто торговали с кораблей, затем им на смену пришли постоянные торговые фактории. Русские тоже не сидели сложа руки, и вокруг обители выросли стены острога, потом появился посад, а лет восемь назад поселение объявили городом, который так и нарекли — Архангельском.

Несмотря на то что земли на севере для хлебопашества не хороши, жили местные обыватели по большей части справно, можно даже сказать, зажиточно, ибо кормило их море. Хлебушка, конечно, волнами не выкинет, но вот рыбки всяко-разно вдоволь. Не голодали, одним словом.

Оно, конечно, зима в здешних краях долгая, а лето всего ничего, а все же в отличие от Балтики вокруг нет такого количества жадных соседей, так и норовящих перекрыть дорогу негоциантам. А потому торговля, а вместе с ней и сам город все ширились и ширились. Оттого и место здешнего воеводы считалось весьма хлебным.

Минувшим летом «на кормление» сюда был поставлен боярин Никита Вельяминов. Сказывали, прежде он был у государя в чести, а потом незнамо за что попал в опалу. Так это или нет, никто доподлинно не ведал, а спрашивать не решались, ибо характером воевода был крут. Впрочем, обиды от него никакой местному люду не было. Поминки по чину своему принимал, не без этого, однако же лишнего не требовал. Судил же, коли такая нужда случалась, по справедливости.

Вместе с новым воеводой приехала и его семья. Жена Марья урожденная Долгорукова, да сестра Алена — вдова князя Щербатова, погибшего от рук воровских казаков. Были и дети, у самого Никиты дочь — Настенька, да у Алены сыниш-

ка Иван, приходившийся боярину соответственно племянником.

Зима выдалась в тот год снежная да морозная, иной раз такая вьюга, что по неделе из дома носа не высунешь, а потом смотришь, и ветер стих, и солнышко пригрело, отчего на улице хорошо, да и на сердце благодать! Одно нехорошо, ночь рано наступает. Вроде и времени на иноземных часах, стоящих у воеводы в горнице, именуемой по-новомодному кабинетом, а за окном хоть глаз выколи!

— Все ли благополучно, братец? — встретила вернувшегося домой воеводу Алена.

— Слава богу, все благополучно, — весело отозвался тот, кидая на руки холопов заиндевавшую на морозе шубу.

— А что за шум был?

— Пустое, — отмахнулся боярин. — Голландские моряки с флейта «Святое пророчество» от безделья пошли в кабак и там упились до изумления, после чего стали местных задирать. Ну те им и дали...

— Смертоубийства хоть не было?

— Не, не попустил Господь. То есть не успели. Прибежали стрельцы да всыпали и тем и другим, после чего всех в острог и отправили.

— Шкипер их, поди, жаловаться приходил?

— Не без того, — усмехнулся Никита.

— А ты что же?

— Посулил, что в другой раз всех в железа закую, после чего велел отпустить, как проспят.

— Вот и ладно, — кивнула Алена. — Тогда ступай к столу, я уж распорядилась, чтобы накрывали.

— А где Марья? — спохватился воевода, что не видно жены.

— Недужится ей немного.

— Что такое?!

— Сказывает, голова болит.

— Знахарку звали?

— Вот еще! Чтобы она Марьюшку на лед посадила? Благодарю покорно, братец.

— А немецкого доктора?

— Конечно, только он, видать, вместе с теми моряками гулял.

— Точно, — вспомнил воевода. — Был там иноземец в темном платье. Как пить дать, лекарь! Эх, беда, что же делать-то?

— Не тревожься раньше времени. Трудно Маше здесь. Зима лютая, лето короткое. Ты целыми днями на службе. Вот и тяжко ей на душе.

— А ты как же?

— Я целый день при деле. С Ванечкой вожусь, а когда он спит, книги читаю. Хозяйство опять же. Ты вот что, Никитушка. Пригласил бы гостей в дом. Только не на пир, а на прием. Пусть с женами придут. Пока вы будете умные разговоры вести, мы тоже пообщаемся. Глядишь, Машеньке и повеселее будет!

— Будь по-твоему, — кивнул воевода. — А теперь вели обед подавать, проголодался, сил нет!

Впрочем, поесть боярину спокойно не дали. Только он, выпив с устатку малую чару можжевелевой водки, закусил ее копченой рыбкой и взялся за ложку, чтобы похлебать горячего, как со двора послышался громкий требовательный стук.

— Кого там еще черт принес? — не удержался Никита, после чего немного виновато посмотрел на сестру.

— Сейчас узнаем, — ровно отозвалась Алена, не любившая ругани.

— Гонец из Москвы прискакал, господин воевода! — крикнул вбежавший в трапезную холоп. — Сказывает, указ царский привез!

— Ишь ты, — насторожился Вельяминов и обеспокоенно посмотрел на побледневшую сестру.

Через минуту слуги почти волоком подтащили к нему почти сплошь покрытого инеем человека.

— Смотри, как замерз! — покачал головой хозяин дома и, налив полную чару водки, протянул прибывшему. — На-ко вот, выпей!

— Храни тебя Бог, боярин, — поблагодарил гонец, когда к нему вернулась способность говорить.

— Не за что, — отозвался Никита. — Благополучно ли добрался?

— Слава богу. Даже тати лесные не нападали, а от волков мы отбились!

— И много ли серых?

— Немало. Грешным делом, думал уж пороху с пулями не хватит.

— Что за весть привез ты нам?

— Скорбную, боярин. Государыня Катерина Михайловна волей Божьей скончалась!

— Горе-то какое! — искренне огорчился воевода, после чего истово перекрестился.

— А вот что в указе, не ведаю. Велено лично в руки передать!

— Давай, раз велено, — отозвался Вельяминов, принимая сшитый из толстой кожи цилиндр с висящей печатью.

Решительно сломав печать, он вытащил свернутую в трубочку грамоту и погрузился в чтение. Закончив, некоторое время сидел в задумчивости, после чего вдруг спохватился и спросил у посланника:

— Что-то никак не признаю тебя, ты чьих будешь?

— Из жильцов¹ я, боярин. Шемякиным прозываюсь, Михайло Матвеев сын.

— Погоди-ка, не твой ли отец у государя в смоленском походе постельничим был?

— Мой.

— Знавал я в старопрежние времена твоего родителя. Он жив ли?

— Этим летом помер, а меня на службу поверстали. Государь вспомнил о батюшкиных заслугах и повелел в жильцы определить.

— Садись, Миша, с нами за стол. Перекуси с дороги чем бог послал, да Расскажи, что в Москве нового.

— Благодарствую, боярин, — с каким-то облегчением в голосе отозвался молодой человек и хотел скромно присесть с краешку.

Но Вельяминов не позволил, а усадил его рядом с собой и принялся усердно потчевать, даже велел сестре на правах хозяйки дома поднести юноше кубок. Явно не ожидавший подобной ласки парень растрогался и охотно отвечал на все вопросы. Однако скоро усталость взяла свое, и он начал клевать носом.

¹ Ж и л ь ц ы — младший служилый чин по московскому списку. В мирное время часто посылались в качестве гонцов, в военное входили в Государев полк.

— Отнесите гостя в спальню, — велел воевода холопам, а когда они с Аленой остались одни, тихонько спросил: — Знаешь ли, что в сей грамоте?

— Повеление в Москву ехать, — спокойно ответила ему княгиня.

— А ведь я у государя в ногах валялся, просил меня воеводой услать, чтобы только тебя увезти подальше!

— Судьбы не избежать.

— То-то и оно. Что делать-то будем?

— Жить дальше, Никитушка.

Посольский обоз вышел из Москвы сразу после окончания Рождественского поста. Перед тем, как водится, поскакали ко всем воеводам гонцы, чтобы предупредить о том, что движется поезд и его надо уберечь от всяческих невзгод, а паче всего от разбоя. К иностранцам тоже были отправлены послания с заверениями в дружбе и желании жить в мире.

Впереди обоза двигался разъезд из московских служилых людей, которые будут охранять его до Можайска. Там их сменят местные, потом придет черед смолян, и так до самой границы. За передовым отрядом один за другим следуют поставленные на полозья возки, сани со всяким припасом и охрана из стрельцов и дворян. Всего ратных людей больше сотни, а с ними сам глава Посольского приказа и его ближайшие помощники, а также старшие и младшие подьячие, толмачи, переводчики¹ и конечно же слуги.

Из всех разрядов служилых людей по отечеству дьяки издревле были самой закрытой корпорацией. В самом деле, до боярина или окольного, будь на то воля государева, может дослужиться любой. Но только дьяки с их книжной премудростью и обусловленной этим обособленностью от прочих могли вести делопроизводство и управлять приказами. И если бы не Смута, огненным колесом прокатившаяся по земле и людям и поставившая все с ног на голову, никогда бы бывшему боцману и перебежчику не бывать в дьяках!

¹ Т о л м а ч — человек, понимающий и способный перевести устную речь. Набирались, как правило, из служилых людей, побывавших в плену и научившихся там говорить на языке противника. П е р е в о д ч и к — человек, способный перевести письменный документ.

Впрочем, Клим и сам был, что называется, парень не промах! У получившего под свое начало один из важнейших органов государственного управления, выше которого был разве что Разрядный приказ, Рюмина не было возможности постепенно вживаться в новую для него роль, привыкая к должности.

При тех вызовах, что стояли перед чудом выжившим государством, а паче всего таком беспокойном государе, как Иван Мекленбургский, времени на раскачку не было, и русским дипломатам требовалось подчас совершать прямо-таки немислимое. Этого требовали и обстоятельства, и сам царь, который не признавал слова «нет». А потому пришлось колыванскому уроженцу засучить рукава и браться за работу. И первым делом было необходимо поменять весь уклад, или, как говорят иностранцы, провести реформу.

Одним из главных нововведений стало привлечение к службе иностранцев. Само по себе это не было чем-то из ряда вон выходящим. Ведь еще государь Иван III посылал сватать за себя царевну Софию Палеолог итальянца Ивана Фрязина. Но до сего момента это были все-таки разовые акции, а теперь в штат приказа на постоянной основе стали входить немцы из мекленбургских владений государя, пара переманенных из Литвы шляхтичей и даже один «скотский немец» — шотландец.

Вторым по счету, но не по значению, стало появление постоянных миссий при иностранных дворах. Если раньше послы, выполнив поставленную задачу, возвращались домой, то теперь они задерживались надолго, собирая и переправляя в Москву различные сведения, оказывали помощь купцам и вербовали нужных для русского государства людей. Правда, пока такие были лишь в родном для Иоганна Мекленбурге, в союзном Стокгольме и в имперской Вене, но, как говорится, лиха беда начало!

Царь требовал постоянно искать и привозить в Москву видных ученых, архитекторов, художников и музыкантов. Это стало еще одной постоянной заботой Рюмина, в приказе был отведен целый стол, или, как привыкли называть их приказные подьячие, повытье. К сожалению, успехи у нового направления дипломатической деятельности были пока неве-

лики, но, по крайней мере, серьезных преподавателей в академии заметно прибавилось.

В Смоленске они, дождавшись, пока закончится ледоход, дружно погрузились на барки и мирно, с изрядным удобством и без суеты, но ходко поплыли вниз по Днепру, благополучно миновав стороной Киев и все опасности дороги.

В Запорожскую сечь Клим прибыл уже весной, в разгар половодья. Поначалу дело шло ни шатко ни валко. Обиженный на Москву вообще и на Ивана Мекленбургского в особенности самопровозглашенный гетман Сагайдачный принял посольство холодно. Приближенные его тоже воротили нос, а рядовые казаки, особенно из числа не слишком умных, частенько задирали охранявших дипломатическую миссию стрельцов и боярских детей. Однако далеко не все в Сечи отнесли к Москве враждебно.

Как-то поздним вечером, когда добрые люди уже ложатся спать, к Рюмину заявился известный своими набегами на турок Яков Неродич по прозвищу Бородавка. В отличие от шляхтича Коношевича-Сагайдачного, Яков происходил из простых казаков и всего в этой жизни добился сам, головой и саблей.

— Доброго здоровья, пан посол! — с кривой усмешкой поприветствовал он дьяка. — Гостя незваного примешь ли?

— И тебе не хворать, атаман, — отозвался Рюмин, показывая на лавку. — А что до приема, так это смотря с чем пришел...

— Слышал я, что наш гетман тебя неласково принял?

— Лично мне от Сагайдачного ласка без надобности, чай, он не девка.

— Ха-ха, — искренне развеселился Бородавка. — Как погляжу, ты, пан посол, в своего царя удался. Тот тоже на язык остер!

Клим в ответ только пожал плечами и кликнул слуг, чтобы принесли вина.

— Выпьешь, атаман?

— С хорошим человеком отчего же и не выпить? — охотно согласился казак.

— За здоровье его царского величества Ивана Федоровича Мекленбургского! — провозгласил дьяк.

— Добрый вояка, — одобрительно кивнул Яков и в два глотка осушил поданный ему кубок, после чего вытер пышные усы и добавил: — Вино тоже хорошее!

— Вы встречались с ним? — высоко поднял бровь Клима.

— Та было разок, — ухмыльнулся Бородавка, но в подробности вдаваться не стал.

— Что же, теперь давай за твоего короля? — предложил Рюмин.

— Тю! — скривился, как от касторки, гость. — Та хай ему грец, псыему сыну!

— Не любишь Сигизмунда?

— А он не девка, чтобы его любить! — хохотнул казак, но тут же посерьезнел и протянул чарку. — Давай лучше выпьем за всех добрых людей, какого бы они звания ни были. За тех, кто с погаными воюет на суше и на море. Кто христиан вызволяет из неволи.

— За такое грех не выпить, — согласился дьяк, разливая по второму кругу.

— А теперь скажи мне, пан посол, — перешел к делу атаман, отодвигая от себя опустошенную посуду. — За каким бесом твой царь прислал тебя к славному низовому воинству?

— Слышал ли ты, что донские казаки год назад захватили Азов?

— Так про то разве глухие не слышали! По всем шинкам да майданам¹ бандуристы поют песни о славных степных рыцарях, постоявших за христианскую веру.

— А ведомо ли тебе, что турецкий султан намеревается примерно их наказать и собирает для того большое войско?

— И это не тайна.

— А не думаешь ли ты, атаман, что запорожским казакам не пристало в таком деле оставаться в стороне?

— И что тебе на это Сагайдачный ответил?

— Сказал, что у короля Сигизмунда с Османом мир и что он его рушить не станет!

— Гетман и старшина, а также все реестровые жалованья от круля ждут, — презрительно усмехнулся казак.

— Не дождутся.

— Это почему же?

¹ М а й д а н — здесь: торговая площадь.

— У Сигизмунда в казне мышь с голодухи повесилась. Нет у него денег!

— Польша страна не бедная.

— Не дадут ему магнаты ни полушки. Особенно для вашего брата казака! Так что сильно рты не разевайте. Помяни мое слово, не будет вам ни жалованья, ни реестра, ни королевской милости!

— Верные вести?

— Скоро сам все узнаешь, только поздно будет.

— Ладно, пусть о том у Сагайдачного голова болит. Скажи лучше, что ваш царь хочет?

— Нашему государю турецкий Азов тоже как кость в горле, а потому он донским казакам милостей не жалеет. Года не было, чтобы он им в жалованье прибавку не сделал. Зелья порохового, свинца, хлеба, сукна доброго шлет не жалея...

— Ой, и здоров же ты врать, пан посол, — рассмеялся Бородавка. — Думаешь, я не знаю, что того жалованья хватает, только чтобы с голода ноги не протянуть?

— А зачем больше? — нимало не смутился Рюмин. — В поход снарядиться этого хватает, а что до прочего, так разве у донцов нету сабель, чтобы добыть недостающее? Вот и вам бы, славным запорожцам, не сидеть на печи у своих баб под боком, а снарядиться и выйти на чайках в море. Чтобы султан — песий сын не знал, за какой бок хвататься, отбиваясь с разных сторон!

— Ишь как!

— Вот так! И всем бы от этого было хорошо, казакам — новые зипуны и слава вовеки, а православным людям передышка от постоянных набегов. Да пусть бы и католикам, все же какие ни есть, а христиане!

— Сладко поешь, — задумчиво заметил Яков и продолжил, как бы размышляя вслух: — Положим, собрать тысячу-другую добрых казаков хоть сейчас можно, и никакой гетман тому помешать не посмеет. Правда, и казну открыть не даст, чтобы вооружиться как следует...

— А если все же воспротивится? — осторожно спросил Клим.

— За такое враз можно булавы лишиться, а коли артачиться станет, так и головы!